

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ДРЕВНИХ АНТИНОМИЙ

Е. М. Маркова

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

Поступила в редакцию 15 января 2018 г.

Аннотация: рассматривается семантическая эволюция антонимичных лексем, номинирующих архетипические оппозиции: «прямой» – «кривой», «правый» – «левый», «белый» – «черный», «полный» – «пустой», «верхний» – «нижний». В ходе исследования их смысловых переходов устанавливается аксиологический характер направления концептуального развития, имеющий типологическое значение, что подтверждается данными других славянских языков. При этом первые члены оппозиций транслируют положительные, ценностно значимые смыслы, а вторые приобретают пейоративное значение, номинируют отрицательные явления во вторичном семиозисе.

Ключевые слова: архетипические оппозиции, концепты, семантическая эволюция, аксиологическое развитие.

Abstract: the paper describes semantic evolution of antonymic pairs nominating the archetypical oppositions: “straight” – “crooked”, “right” – “left”, “white” – “black”, “full” – “hollow”, “upper” – “lower”. The study of changes in their semantics demonstrates the axiological nature of their conceptual development. The data from Slavic languages confirm the conclusion of typologically significance of this development. It is important that the first members of binary oppositions denote positive values, while the second members develop pejorative meanings and nominate negative phenomena in the secondary semiosis.

Key words: archetypical oppositions, concepts, semantic evolution, axiological development.

Семантическое развитие лексем, близких по своему когнитивному содержанию, подчиняется типологическому характеру их смысловых переходов. Древние оппозиции, объективированные прилагательными *прямой – кривой, правый – левый, белый – черный, полный – пустой, верхний – нижний*, демонстрируют однотипное метафорическое распространение, характеризующееся развитием аксиологической противопоставленности, при которой первые члены указанных дихотомий во вторичном семиозисе получили способность именовать хорошие, положительные явления в жизни человека, а их антонимы стали обозначением плохих, отрицательных сторон жизни. Такое развитие связано с трансляцией общего оценочного противопоставления «хороший» – «плохой», когнитивно связанного с оппозициями «правильный» – «неправильный», «истинный» – «ложный», «верный» – «неверный», «умный» – «глупый». При этом уже в первичном, денотативном, значении, заложенном в этимоне, как правило, синкретичном по своему характеру, обнаруживаются векторы дальнейшего смыслового распространения оппозициональных лексем.

Противопоставление **prav-* «правый» и **lěv-* «левый» принадлежит к древним аксиологическим оппозициям. Как известно, в древнерусском языке

номинационно различались правая рука – *десница*, от *десный* «правый», и левая рука – *шуица*, от *шуий* «левый», их можно встретить в поэтических и церковных текстах (например: «*Сидяща одесную Отца*», «Символ веры»; «*Сподоби мя шуица части избавитися, десныя же страны общники быти*», Молитва преп. Сергию Радонежскому). *Правый* уже в древности имел значение «правильный», «истинный», «Божий» (откуда и выражение *десница Божия*), крестное знамение осуществляется именно правой рукой, с чем связаны и дериваты *православие, православный*. Прилагательное *правый* функционирует в значениях «правильный», «верный», «истинный» и в современной речи, например, в контекстах: *ваше дело правое; вы правы*, дериват *правильный* «верный» имеет тот же корень. Глагольные формы с корнем *прав-*: *исправить, поправить, выправить* – также положительно «заряжены». Прилагательное *левый* стало активно функционировать в современном русском языке в значении «поддельный», «ненастоящий», например, в выражениях: *левый товар, левый алкоголь* и т. п., а также в значении «незаконный»: *левые деньги, левая работа* и др. С указанной оппозицией связано и отрицательно-оценочное выражение *сходить налево* «изменить жене». Эта же модель представлена и в чеш. *zahnout*, вербализующем семантику кривизны: «загнуть, повернуть» и имеющем вторичное значение «изменить жене» [1].

Антонимичные прилагательные *прямой и кривой, прямой и лукавый* (первоначально «кривой, изогнутый»), подобно антиномиям *правый и левый*, развили в русском языке значения нормативно-оценочного характера: соответственно «откровенный, справедливый» (*прямой: прямой взгляд, прямой разговор, прямой вопрос, спросить напрямую*) и «хитрый, неискренний» (*лукавый взгляд, уста лукавые, от лукавого* «от дьявола»).

В природной среде признак «изогнутый; изгиб» был положен в основу праслав. **lōk*, реализовавшегося в др.-рус. *лука* «изгиб берега, пойма, образуемая дугообразным поворотом, изгибом реки», соврем. рус. *излучина* (ср. *лукоморье* – «морской залив», «извилистый берег моря»), укр., белор. *лука* «изгиб реки», болг. *лъка* «изгиб берега», «морской залив», с.-х. *лука* «низина у реки», «пойма», «морской залив», чеш. *louka* (ст.-чеш. *luka*) «луг», в.- и н.-луж. *luka* «луг» [2]. Они связаны отношениями производности с глаголом **lękti* «гнуть, кривить» [3]. В славянских языках известно и название оружия для метания стрел в виде упругой дуги – рус. *лук*, чеш. *luk*, пол. *luk* «лук» и «часть окружности», «арка», «дуга», в.-луж. *luk* «лук», «дуга» [там же], в котором подчеркнут такой его признак, как изогнутый характер гибкой дуги. Как видим, значения семантических рефлексов **lōk* в разных славянских языках разделились между «излучина реки» и «луг» (первоначально «пойма реки, суша, находящаяся в излучине реки»). Значение «дуга, кривизна» предполагается и для праслав. **logъ* «луг, низина», этимологически сближаемого с тем же глаголом **lękti* «гнуть, кривить» [там же]. Признак кривизны является определяющим и для семантики праслав. **doga* «дуга» (ср. рус. *дуга* «часть конской упряжи в виде изогнутого ствола тонкого дерева над шеей лошади», «часть окружности и вообще кривой линии»), чеш. *duha* «радуга», как и в болг., с.-х., пол.). Тот факт, что в древнерусском языке слово *дуга*, как и в старославянском, имело значение «радуга», позволяет сделать предположение, что обозначение природного явления в виде изогнутой линии было первичным для этой лексемы, мотивированной и.-е. **dhengh-* «жать, давить, искривлять, сгибать» [2].

Конфигурация предмета стала основой наименования некоторых качеств человека. Лексемы *прямота* и *лукавство*, являясь антонимами, развивают в славянских языках, наряду с пространственными значениями «прямой» и «изогнутый», значения нормативно-оценочного характера: соответственно «откровенный, справедливый» и «хитрый, неискренний» (подобно праславянским антонимичным корням **prav-* / **prēm-* и **lěv*, ***kriv-*). Указанный перенос произошел уже в древнерусском языке у слова *лука*, обозначающего «излучину, изгиб реки, часть суши, образуемую

этим изгибом», и «хитрость», «обман». Прилагательное *лукавый* (как и наречие от него) бытовали не только в значении «извилистый» («Иерданъ... *лукаво*... течеть»), но и «ложный», «лживый», «коварный», «неприятный». Наряду со значением «изгиб реки» отмечается и значение «лукавство, кривизна души» у слова *лука* и в словаре В. И. Даля [4]. *Лука* как обозначение кривизны реки и ее берега послужило семантической и словообразовательной основой для слова *лукавство*. Только в переносном значении были известны слово *лука* и его дериваты уже в старославянском языке: *лука* «хитрость, козни, коварство»; *лукавь* «очень плохой, коварный, лукавый»; *лукавыи* (сущ.) «подлец, негодяй, мерзавец»; *лукавыи* (сущ.) «лукавый, дьявол»; *лукавьно* «коварно, лукаво», *лукавьновати* «причинять зло, строить козни»; *лукавьнь* «очень плохой, коварный»; *лукавствие, лукавство* «зло, коварство, злоба» [5]. В современном русском языке продолжает бытовать фраза *от лукавого* «от дьявола», лексемы *лукавый* «неискренний», «насмешливый», в последнее время подъем в употреблении отмечается у глагола *лукавить* в значении «говорить неискренне», «недоговаривать», «игнорировать объективность».

Слова-соматизмы с семантикой изогнутости, кривизны нередко получают переносное обозначение чего-либо неправильного, плохого в поведении человека, например в составе устойчивых выражений: *выкидывать коленица, корчить из себя что-л., горбатого могила исправит, нечего на зеркало пенять, коли рожа крива*. Согнутое положение человека ассоциируется с его подобоострастием, желанием услужить. Осуждение подобного поведения объективируют выражения *гнуть шею, на согнутых коленях, ползать на карачках, согнуться в три погибели* (при этом слово *погибель* также является производным от *гнуть*).

Выражения *кривить душой* «говорить неискренне», *делать вкривь и вкось* «делать плохо, неаккуратно», *пойти по кривой дорожке* «сбиться с пути истинного, вступить на преступный путь», *куда кривая выведет* «идти наугад», *ходить вокруг да около* «действовать не напрямую, изворачиваться», *нести окоlesiцу* «говорить глупости, чушь» [6], основанные на признаке кривизны, связаны с обозначением изворотливого, нечестного, непрямого в поступках и выражениях человека. В русских сказках популярны антонимичные лексемы *правда* и *кривда*, часто наделяемые антропоморфными признаками противоположного характера: первая становится носителем справедливости, честности, бескомпромиссности, вторая – лживости, хитрости, бесчестности.

Русский фразеологизм *говорить без обиняков*, т. е. «прямо», имеет в своем составе фразеологически связанное слово *обиняки*, производное от **obviniti* [3], также отмеченного семантикой кривизны. Нега-

тивной коннотацией отличаются и следующие единицы косвенно-производной семантики с компонентом *гнуть*, вербализующим понятие кривизны: *согнуть в бараний рог* «уничтожить кого-л.», *согнуть в дугу* «применить силу по отношению к кому-л.», *подковы гнуть* «о сильном человеке», *гнуть свою линию* «проводить какую-л. политику несмотря ни на что», *перегнуть палку* «переусердствовать в стремлении сделать что-л.» [6].

Признак «изогнутый, выпуклый» был положен и в основу **xula*, производный от него глагол **xuliti* отмечается в некоторых славянских языках: словен. *hūliti* «гнуть, наклонять», чеш. *chouliti* «закутывать, завертывать» [3]. В русском языке наблюдается аксиологическое направление развития значения: *хулить* «ругать, бранить», *возводить хулу (на кого-л.)* («нести напраслину, обвинения в адрес кого-л.»).

С семантикой кривизны, по мнению ряда авторитетных этимологов, связана и внутренняя форма лексемы *грех*. М. Фасмер считает его производным от **groikso-* или **groiso-* «изгиб, кривизна» [7]. Такого же мнения придерживаются Н. М. Шанский, приводя в своем «Этимологическом словаре русского языка» точку зрения Буги и Ильинского, которые выводят **grěchъ* из **groi-so* или **groik-so* «кривизна», родственного, по их мнению, серб.-хорватск. *grič* «крутизна, бугор», лит. *graižus* «извилистый», латышск. *grēizs* «кривой, косою» [8]. Таковую точку зрения на этимологию слова *грех* выдвигает и П. Я. Черных в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка», сближая его с лит. *graižyti* – «вертеть», «крутить», «сверлить», *graižus* – «скрученный», «изогнутый», «искривленный» [2].

Наконец, О. Н. Трубачев, подробно проанализировав в «Этимологическом словаре славянских языков» все существующие точки зрения на мотивировку данной лексемы, также останавливается на рассматриваемой нами: «Гипотеза о развитии значения “грех” из первоначального “жжет совесть” есть не что иное, как подстановка христианского значения на место первобытного, что невозможно для слова праславянского, т. е. еще дохристианского. Семантика производного **grěšiti* – “промахиваться, не попадать прямо”, “думать неверно (о ком-либо)” – помогает выбрать другую этимологию для слова “грехъ” из числа выдвигавшихся ранее, а именно – от основы со значением кривизны **groi-so*, ср. латышск. *grēizs* “кривой” ... а также слав. **grěza*, ср. русск. диал. “нагрезить” – “сделать что-либо плохое, причинить ущерб») [3]. В «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского первичное значение слова «грех» – «ошибка» (первоначально как нарушение прямого пути при пахоте земли). В работе пахаря главное было соблюдать ровную линию борозды. Правильно вспаханное

поле легче обрабатывать. Искривленные же борозды обрабатывать было труднее, приходилось затрачивать лишнее время и силы [9]. Таким образом, значение слова *грех* в праславянском – «ошибка», «пропуск», «промах», затем – проступок, нарушение закона, в первую очередь нравственного, в христианском смысле – поворот с прямого пути истинной веры на кривую дорожку греха. Эту версию подтверждают и выражение *с грехом пополам* (т. е. «кое-как, некачественно, на скорую руку»), дериваты *огрехи*, *погрешности* («ошибки», «промахи»), серб. *огрех* «ошибка».

В приведенной цитате О. Н. Трубачёва упоминается еще одно слово, мотивированное признаком «кривой» – *грёза*, в настоящее время употребительное только в форме *грёзы* в значении «мечты, иллюзии». Н. М. Шанский также пишет о том, что оно того же корня, что и *грех* [10]. Значение «мечта» является производным из семемы «бред, болезненное состояние, галлюцинация», «обман», обнаруживая тем самым связь со значением «искривление», «искажение». В древнерусском языке оно отмечается в следующих значениях: «ил, муть, грязь»; «смятение, смешение»; «блуд, греховный поступок», а глагол *грезити* – в значении «мутить», «смуцать»; «приводить в смятение» [11]. Таким образом, вполне можно допустить, что лексемы *грех* и *грёзы* этимологически восходят к одной мотивеме, основанной на семантике кривизны.

Аксиологическую оппозицию «хороший» – «плохой» обнаруживают в своей семантической эволюции и цветовые «антиподы» – *белый* и *черный*. Особенностью «цветовых» лексем в составе фразеологических единиц является символический характер их семантики. В русских фраземах: *на белом коне въезжать/въехать куда-либо* «появиться как победитель», *называть черное белым; принимать черное за белое* (где белый цвет символизирует правильное, хорошее), *белый шар* («голос “за”») белый цвет эксплицирует положительную оценку [6].

Черный цвет – антипод белого, олицетворяющий злые силы, враждебные человеку, что нашло отражение и во фразеологии: *черный день* «неудачный день», *черные мысли* «плохие, тяжелые мысли», *рисовать в черном цвете* «представлять что-то в плохом, дурном виде», *черная душа, совесть, черное сердце* «о плохом, темном, недобром человеке», *черный шар* «голос «против»; *черная неблагодарность, несправедливость* («сильная неблагодарность, несправедливость»); *черная кошка пробежала между кем-либо* («поссорились») [6], (к этим примерам можно добавить и чеш. *černý pasažer* «безбилетник») [1] и др. В этом же значении используется и номинант *темный*: *темное дело* «безнадежное дело», *темная лошадка* «непонятный, скрытный человек».

Нравственно-оценочную противоположность развивает и архетипическая оппозиция «верх» –

«низ», что связано не только с локализацией «рая» и «ада», но и получило объективацию, к примеру, в следующих фактах вторичной номинации: *птица высокого полета, высокие мысли, вознестись в мыслях* и, наоборот, *низкие мысли, низкие поступки, низкое поведение*.

Типичным для обозначения глупости как отрицательного свойства человека является использование «обувной» метафоры: в семантике слов, обозначающих виды обуви, имплицитно присутствует сема низа, сниженности, приземленности, которая дает негативные коннотации, так как обувь наиболее удалена от головы и является своеобразным антиподом последней (ср. рус. *валенки*, жарг. *башимак, калоша, сапог*, ср., например, и чеш. *hloupy jako bota* «глупый как ботинок» [12], чеш. *bačkora* «тапочка» (в значении «безвольный человек, простофиля, тюфяк») [13].

С развитием аксиологической дихотомии «умный» – «глупый» связана и когнитивная оппозиция «полный» – «пустой». Типичной семантической моделью репрезентации глупости является перенос: «головной убор, чехол, мешок» (как пустая емкость, упаковка, оболочка без содержимого) → «глупый человек»: рус. *шляпа, мешок, тюфяк* (ср. чеш. *balík* «пакет» в значении «неотесанный человек, мешок», *pytlík* «мешок») [13]. С идеей пустоты, незаполненности связана и сема отсутствия, также проецирующаяся на ум, ср. рус. *не все дома, без царя в голове* [6]. В противовес этому умный человек метафорически представлен как заполненное пространство, например, рус. *у него ума палата* (чеш. *tá říru roziti* «у него фура ума») [12], рус. *кладезь премудрости, бездна премудрости / учености*.

Полые, имеющие пустую внутренность предметы нередко метафорически переосмысляются для обозначения не только неумного человека, но и бессмысленности действий, разговоров, например, *пустые разговоры, дело труба* (ср. чеш. *prazdná nádoba* «пустой сосуд», «глупец»; *trumdera, trulant* «труба», (перен.) «болван, балбес», *trouba* «труба», «олух, болван») [13]. Полые изделия из дерева также становятся актуальными для наименования глупца, ср. чеш. *hloupy jako necky* «глупый как корыто» [12]; *truhlík* «ящик (для углей, цветов)», (перен.) «болван» [13].

Проанализированный материал демонстрирует преобладающее аксиологическое развитие членов оппозиций с отрицательной семантикой в силу того, что во вторичной номинации активной разработке подвергаются негативные стороны жизни, те явления, которые подлежат осуждению, критике, т. е. отклоняются от нормы, в то время как положительно оцениваемые рассматриваются как норма и потому в меньшей степени объективируются в языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Příruční slovník jazyka českého. – Т. 1–9. – Praha : SAV, 1935–1957.
2. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – 3-е изд. – М. : Русский язык, 1999.
3. Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. – М., вых. с 1974.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Олма Пресс, 2003.
5. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.). – 2-е изд. – М. : Русский язык, 1999.
6. Бирих А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – М. : Астрель. АСТ. Люкс, 2005.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; под ред. Б. А. Ларина ; пер. с нем. О. Н. Трубачёва. – 4-е изд., стереотип. – М. : АСТ, 2009.
8. Этимологический словарь русского языка / под ред. Н. М. Шанского). – М. : Изд-во Моск. ун-та, вых. с 1963.
9. Срезневский И. В. Материалы для словаря древнерусского языка / И. В. Срезневский. – М. : Знак, 2003.
10. Шанский Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. – М. : Дрофа, 2004.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 4 (Г–Д). – М. : Наука, 1977.
12. Mokienko V. Česko-ruský frazeologický slovník / V. Mokienko. – Olomouc : Univerzita Palackého, 2002.
13. Tezaurus jazyka českého. Slovník českých slov a frázisouznačných, blízkých a příbuzných. – Praha : Lidové noviny, 2007.

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

Маркова Е. М., профессор кафедры русского языка как иностранного

E-mail: elena-m-m@mail.ru

Тел.: 8-916-711-50-38

Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

Markova E. M., Professor of the Russian as a Foreign Language Department

E-mail: elena-m-m@mail.ru

Tel.: 8-916-711-50-38